

Уже наступил второй день нового года, и большинство родственников и соседей, которые должны были прийти, уже собрались. Очередь значительно сократилась: если вчера она тянулась до самой стены, то сегодня не выходила даже за пределы тени бокового флигеля.

Когда Чэн Лан взял в руки кисть и приготовился писать, Цзян Дун невольно удивился. Чэн Лан умеет писать иероглифы кистью? Из-за традиций, связанных с похоронами и свадьбами, действия Чэн Лана казались простыми, но на самом деле они были архаичными и сложными. Деревянный стол, красная ткань, синяя тетрадь, переплетённая хлопковой нитью, кисть, тушь, бумага и тушечница — всё это требовало особого подхода.

Цзян Дун не успел задать свой вопрос, как вспомнил, что Чэн Лан сам занимается подобной работой. Умение писать и рисовать, а также использовать кисть, казалось, имело много общего с его профессией. Кроме того, возможно, на него повлиял дедушка. В таком контексте это выглядело вполне логично.

Заинтересовавшись, Цзян Дун взглянул на тетрадь, лежащую перед Чэн Ланом. То, что он увидел, подтвердило его ожидания: Чэн Лан писал прекрасные иероглифы. Белая бумага, чёрные иероглифы — несколько строк аккуратного кайшу. Лист был разделён пополам: в верхней части аккуратно записаны имена и родословные, а в нижней — записи о подарках. Каждый иероглиф был написан с точностью и изяществом, без излишней строгости. Кисть двигалась свободно, сочетая аккуратность с лёгкостью. Такое мастерство требовало многих лет практики.

Цзян Дун, будучи отличником, писал ровно и аккуратно, но его почерк не был столь изысканным. Увидев строки красивых иероглифов, он почувствовал глубокое восхищение. Это было нечто невероятное. Что ещё умеет Чэн Лан?

Молча отведя взгляд, Цзян Дун встал. Его движения были тихими и незаметными, поэтому Чэн Лан, погружённый в работу, ничего не заметил. Цзян Дун прошёл мимо очереди, с каменным лицом пробираясь через толпу людей, болтающих во дворе, и медленно направился к стене, а затем вышел за ворота.

Двор семьи Лю был большим, и праздничные столы были накрыты прямо здесь. К обеду ставили складные столы, покрывали их одноразовыми скатертями и расставляли вокруг стулья. Однако из-за большого количества гостей, даже с семьёй или восемью столами, приходилось ждать несколько очередей, чтобы все могли поесть.

Для приготовления еды семья Лю заранее наняла поваров, которые установили несколько зелёных палаток на пустыре у входа, превратив их во временную кухню. Цзян Дун подошёл к палатке, где у стены стоял высокий бак с кипятком. Рядом никого не было, только в пяти шагах повар в белом халате сидел у канавы и мыл кастрюлю.

Наклонившись, Цзян Дун поднял пустую бутылку из-под вина, открутил крышку и наполнил её кипятком. Затем, переключив бутылку из руки в руку, он побежал обратно во двор.

Чэн Лан случайно поднял глаза и увидел, как Цзян Дун, словно подгоняемый ветром, несётся к нему. Кисть в его руке замерла, и он едва заметно нахмурился:

— Ты...

На его колени опустилась бутылка с горячей водой.

— Чёрт, как горячо, — сдержанно выдохнул Чэн Лан.

Цзян Дун уже снова сел, его взгляд невольно упал на руки Чэн Лана, побелевшие от холода. Сердце, учащённо бившееся после бега, постепенно успокоилось.

— Одноразовая грелка для рук. Не благодари.

Чэн Лан на секунду замер, затем обернулся:

— Где ты это взял?

Но тут же добавил:

— Почему у тебя на губе волдырь?

Вчера... нет, утром его ещё не было. Как он успел появиться за такое короткое время?

— Это от жара, у меня сильный огонь, — невозмутимо ответил Цзян Дун, чувствуя жжение на губе. — У входа есть горячая вода, там валяются пустые бутылки. побыстрее пиши, люди ждут.

Чэн Лан улыбнулся:

— Что же так тебя разозлило, что ты так разгорелся?

Губа даже немного распухла.

После обеда они снова сели на свои места, в стороне от праздничных столов, и молча смотрели перед собой. Все, кто должен был прийти, уже пришли, и им больше нечего было делать, кроме как ждать вечерних похорон, чтобы отправиться домой.

После напряжённого времени с тридцатого вечера Чэн Лан чувствовал себя измотанным, в то время как Цзян Дун по-прежнему выглядел свежим и бодрым, что заставляло признать, что молодость — это прекрасно. Сидя на холодной скамье два дня, он не чувствовал ни боли в

спине, ни усталости в ногах.

Подумав об этом, Чэн Лан встал, чтобы немного прогуляться.

— Куда ты? — тут же спросил Цзян Дун, услышав его движение.

— ...Никуда, — растерялся Чэн Лан от его внезапного вопроса, взгляд его скользнул по волдырю на губе Цзян Дуна, а затем был отведён. — Просто пройдусь.

— На улицу?

— Нет... просто по двору.

Цзян Дун поднял на него глаза. Чэн Лан всё ещё держал бутылку, вода в которой уже остыла, но его руки больше не были такими скованными, как раньше.

— Зачем тебе бродить среди всех этих людей?

— А?

Чэн Лан сел, через пару секунд сказав:

— Тогда я останусь здесь, с тобой, ладно?

Какой-то странный малыш.

Но тут выражение лица Цзян Дуна внезапно изменилось, став немного неловким, а взгляд забегал. Прошло некоторое время, прежде чем он заговорил:

— ...Может, я пойду с тобой прогуляться?

— Не надо, — поднял бровь Чэн Лан. — Посидим здесь. Они скоро закончат есть, и тогда начнутся похороны.

Цзян Дун успокоился, но вдруг спросил:

— Так рано?

— Не рано. Разве ты не видел, что у входа уже поставили венки?

На этот раз Цзян Дун ответил прямо:

— В городе так не делают. Честно говоря, это первый раз, когда я вижу венки не по телевизору, и вообще первый раз на похоронах. Я даже не знал этого человека.

— Понимаю, — сказал Чэн Лан. — В городе места мало, там не проводят похорон. Крематории берут всё на себя. Максимум, что делают, — это собираются вместе, чтобы поесть и выразить соболезнования. Но я всё равно удивлён: ты никогда не видел венков?

— Нет. А цветы на них настоящие? — Выглядят как настоящие...

Чэн Лан с трудом сдерживал смех:

— Настоящие. Хочешь потрогать? Или сорвать один и поставить в бутылку?

Цзян Дун посмотрел на него с укором:

— Не надо.

Наверное, они ненастоящие.

Чэн Лан ещё долго смеялся.

Позже Цзян Дун снова вышел, чтобы сделать грелку для рук, и передал её Чэн Лану, который принял её с естественной благодарностью. Однако, очевидно, его шутка не понравилась Цзян Дуну, и малыш не хотел с ним разговаривать.

Чэн Лан немного подумал, затем взял кисть, обмакнул её в тушь и начал рисовать на чистом листе бумаги.

Цзян Дун, который смотрел в сторону гостиной, где люди сидели на диване и болтали, вдруг почувствовал, как его тронули за плечо, и обернулся, мгновенно пожалев об этом.

Но в следующую секунду он забыл об этом.

На бумаге была нарисована собачья голова.

Морда собаки была искажена, зубы оскалены, брови нахмурены, взгляд злобный, словно она на кого-то злилась.

Справа от головы была стрелка, указывающая на два иероглифа — Цзян Дун.

— Ты... — как только он понял, что изображено, Цзян Дун уставился на Чэн Лана.

— Эх, — улыбнулся тот. — Ещё больше похоже.

Цзян Дун замер.

— Чёрт... как ты мог! — возмутился он. Даже Сяо Маньтоу так не шутит!

Где же твоя взрослость?

Он уже собирался смять рисунок.

Чэн Лан быстро остановил его:

— Не надо, я старался. Это тебе в подарок.

Цзян Дун остановился, но его брови нахмурились ещё сильнее.

— Не нужно.

Чэн Лан снова остановил его:

— Тогда выбросишь, когда меня не будет, ладно?

Зачем ты вообще это нарисовал?

Если уж рисуешь, почему не сделать что-то красивое?

Некоторое время они стояли в напряжении, но в конце концов Цзян Дун сдался и сунул бумажку в карман.

— Ты такой надоедливый.

Чэн Лан ещё долго смеялся.

Послеобеденные похороны прошли шумно. Началось с того, что старший сын разбил глиняную чашу, зазвучали музыкальные инструменты, венки по краям дороги подняли, подушки и

одеяла, которыми пользовалась бабушка Лю, были подожжены и оставлены посреди дороги. Одновременно с этим раздавались громкие рыдания.

В тот же момент смартфон Цзян Дуна начал яростно вибрировать. Было ли это самообманом, но он чувствовал, что вибрация была сильнее, чем обычно.

Словно звала на смерть.

Заметив, что человек рядом с ним вдруг пошатнулся, Чэн Лан сразу же обернулся, его рука уже на секунду раньше схватила локоть Цзян Дуна.

— Что случилось?

...

Цзян Дун ничего не сказал, достал телефон, и за то время, пока он подносил его к глазам, он почувствовал, как ладонь онемела от вибрации.

<http://bllate.org/book/15499/1374910>